

ИЗ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА
(Рец. на кн.: Репников А. В. Консервативные модели российской
государственности / А. В. Репников. – М. : РОССПЭН, 2014. – 527 с. : ил.)

В. Ю. Рылов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 26 октября 2016 г.

А. В. Репников – один из ведущих современных авторов, разрабатывающих вопросы изучения истории, теории российского консерватизма конца XIX – начала XX в. Представленная монография является концептуальным обобщением всех его предшествующих работ, в том числе и монографий, по указанной проблеме.

Стержневой идеей этой книги, как и предыдущих, является стремление автора показать, что консерватизм вообще – это не «приверженность всему отжившему», а «консервативное творчество». Консерваторы не отрицали благ прогресса, но относились к нему без пиетета, свойственного тогдашней «прогрессивной общественности», видевшей в прогрессе исключительно «благо», не замечая при этом его отрицательных сторон и последствий. Российские консерваторы выступали за «реформы для России», т. е. реформы, приносящие пользу стране, а не «Россия для реформы» (с. 5–7). Детально эти вопросы разобраны автором во второй главе «Теоретические основы консервативного мировоззрения». Репников пришел к выводу о том, что консерваторы-монархисты фокусировали свое «внимание на негативных последствиях прогресса, означавшего для них либерализацию политической и капитализацию социально-экономической жизни, консерваторы вместе с тем вынуждены были модернизировать свои мировоззренческие установки... Во многом это действительно было реакцией на политические и экономические перемены, поспешной (и потому не всегда продуманной) попыткой найти ответ на вызовы времени» (с. 211).

Таким образом, консерватизм – не только и не столько простое сохранение «того, что есть», но и развитие, правда, постепенное, медленное; прогресс с необходимым учетом традиций. Вопрос о происхождении российского консерватизма Репников рассматривает в русле западноевропейской идейной и культурной традиции – ответ консервативных, даже

реакционных сил на век Просвещения и Французскую революцию. В контексте истории российского консерватизма можно рассматривать и В. Н. Татищева с кн. М. М. Щербатовым, Н. М. Карамзина, славянофилов, К. П. Победоносцева, черносотенцев, И. Л. Солоневича, евразийцев и деятелей Белой эмиграции. При всех очевидных различиях этих деятелей, идейных течений и направлений их можно объединить под общим понятием «консерваторы».

В первой главе «Историография проблемы» автор выделяет пять периодов истории изучения российского консерватизма, начиная с 1880-х гг. и заканчивая 2014 г. Репников обоснованно отмечает, что основы историографического изучения феномена российского консерватизма были заложены главным образом публицистами, реже философами-мыслителями, принадлежавшими чаще к леволиберальному направлению общественно-политической мысли. Насколько можно понять из историографического обзора (весьма добротного сделанного), *подлинно* научное изучение консерватизма началось сравнительно недавно – в 1980-х гг. Добавим также, что весьма спорной, на наш взгляд, является необходимость в подобных обзорах, тем более что А. В. Репников – серьезный, заслуженный и общепризнанный автор, научная состоятельность которого не нуждается в дополнительном подтверждении в виде доказательства свободного владения им историографическим материалом. К тому же в процессе изложения материала ему пришлось обращаться к различным вопросам историографии, ссылаться на авторов, полемизировать или соглашаться с ними и т. п.

В третьей–пятой главах рассмотрены частные вопросы; взгляды консерваторов на внешнюю политику России конца XIX – начала XX в. (геополитика), на этноконфессиональные отношения и их «социально-экономические проекты».

Обстоятельно разбирая, подробно (и очень интересно) описывая взгляды консерваторов на различные аспекты внешней политики, Репников, полагаем, упустил из вида один принципиальный момент, а именно: консерваторы-монархисты вмешивались в

тот вопрос, вмешательство в который было само по себе грубым и нетактичным нарушением прерогатив монарха – внешней политики. Тем самым консерваторы сами же нарушали монархический принцип, который они призывали блюсти. При этом очевидным образом оказывали определенное общественное давление и на саму власть, во многих случаях побуждая ее к экспансионистским действиям. Хотя у консерваторов и отсутствовала «единая программа» в вопросах внешней политики (с. 276), но «агрессивные» черты внешнеполитических инициатив консерваторов ясно показаны в рецензируемой монографии. Видимо, советская традиция интересоваться «политикой Гондураса» и давать власти советы имеет не только чисто советские, но и дореволюционные корни.

Останавливаясь на этноконфессиональном вопросе, Репников удачно проследил, каким образом консерваторы предлагали реализовывать на практике сразу несколько взаимоисключающих принципов (и нередко удачно): имперского космополитического гражданского патриотизма, выдвигавшего на первый план некое культурное единство всех народов империи, монархический принцип подданства; великодержавный русский национализм; первенство православия. В целом, можно констатировать, что некой единой формулы «русскости» консерваторами так и не было разработано. Принцип «чистого» национализма, заключавшегося в отождествлении Российской империи с русским национальным государством, так и не утвердился в консервативной среде.

Социально-экономические взгляды консерваторов при всем их разнообразии (от «почти» социалистов вроде С. Ф. Шарапова, сторонников сохранения поземельной общины, например, К. Н. Пасхалова, и до экономических «либералов», например, К. Ф. Головина) можно свести к весьма умеренному социал-

реформизму; ограничению «частного капитала» путем государственного регулирования, учреждениями фабианского типа, различными формами коллективного предпринимательства (артели, кооперация) и другими мерами. В этом отношении консерваторы скорее напоминали современных умеренных социал-демократов.

В последней главе «Накануне и после падения самодержавия» рассматриваются события, непосредственно предшествовавшие кризису и краху старого режима в 1915–1917 гг., вместе с которым разгрому подверглись и консерваторы – их партии, газеты, арестовывались их лидеры и рядовые члены монархических организаций. Рассуждая о причинах «проигрыша» консерваторов, Репников приходит к тому, что сами консерваторы «разочаровались» во власти, которая, по сути, отказалась реализовывать предлагаемые ими идеи, заключавшиеся в сохранении путем осторожного реформирования существующей системы (с. 405), консерваторов обуяли апокалиптические и пессимистические настроения, а самое главное – попытки консерваторов реализовать на практике многие свои установки «потерпели крах» (с. 481).

Интересны сюжеты «постистории» консерватизма в советской России и СССР (например, В. В. Шульгина), монархической эмиграции, особенно личных связей консерваторов с различными течениями и направлениями 1920–1940-х гг.: итальянские фашисты, нацисты, НТС, коллаборационисты времен Второй мировой войны и т. п. Автор вкратце доводит изложение судеб некоторых консерваторов вплоть до 1970-х гг. Надо полагать, что «консервативная традиция» дожила и до перестройки с тем, чтобы возродиться уже в совершенно новых условиях постсоветской России.

Воронежский государственный университет
Рылов В. Ю., кандидат исторических наук, доцент
кафедры новейшей истории отечества, историографии
и документоведения
E-mail: vyurylov@ya.ru
Тел.: 8 (473) 239-29-35

Voronezh State University
Rylov V. Yu., Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the Modern Russian History, Historiography
and Documentology Department
E-mail: vyurylov@ya.ru
Tel.: 8 (473) 239-29-35